

18+

ВИКА КОВАЛЁВА

СОЛИКАМСКИЕ ПОРТАЛЫ ВРЕМЕНИ

КНИГА ВТОРАЯ

ПОЧЕМУ ДЕНЬГАМ
НЕ УЧАТ В ШКОЛЕ?

Вика Ковалёва

**Соликамские порталы
времени. Книга вторая.
Почему деньгам не учат в школе**

«Издательские решения»

Ковалёва В.

Соликамские порталы времени. Книга вторая.

Почему деньгам не учат в школе / В. Ковалёва — «Издательские решения»,

Три часа ночи. Минус восемьдесят семь тысяч. Вилка в розетке. Вика Ковалёва, отличница филфака МГУ, которая читала Канта в оригинале, но не помнит, зачем взяла свой первый микрокредит. В ту ночь, когда она от отчаяния пыталась починить чайник вилкой, обычный кухонный прибор засветился болотно-зелёным светом, и засосал её в первый из четырёх миров, по которым придётся пройти, чтобы выжить. Финансовая грамотность, поданная как приключение. Смешно. Страшно. И работает.

© Ковалёва В.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Акт I. Вниз	9
Глава 1. Добро пожаловать в трясины	9
Глава 2. Те, кто тонет с улыбкой	11
Глава 3. Чёрная воронка	13
Глава 4. Голос на болоте	15
Глава 5. Цена выхода	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Соликамские порталы времени

Книга вторая. Почему деньгам не учат в школе

Вика Ковалёва

Редактор Анна Абрамова

Корректор Ольга Рыбина

© Вика Ковалёва, 2026

ISBN 978-5-0070-8582-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-8581-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Меня зовут Вика Ковалёва, и во вторник я была должна банку, микрокредитной конторе «Быстроденьги» и бывшей однокурснице Лере.

Ожидание.

Чего-то. Когда-нибудь. Может быть.

А пока минус восемьдесят семь тысяч рублей и вторник.

Вторник, к вашему сведению, это не день недели. У понедельника хотя бы есть характер. Пятница обещает спасение. А вторник просто сидит между ними, как жаба на кочке, и смотрит на тебя влажными глазами, в которых читается: «Ну и куда ты теперь денешься?»

Я не знала куда.

Поэтому я пошла на кухню общежития МГУ и попыталась починить электрический чайник. Вилкой.

И прежде чем вы подумаете, что я идиотка, — да, я в курсе. Я отличница филфака. Я читала Канта в оригинале и могу за минуту объяснить разницу между метафорой и метонимией.

Но в три часа ночи, когда у тебя минус восемьдесят семь тысяч, а единственная еда в радиусе километра — это пачка лапши, которую надо чем-то залить, металлическая вилка в розетке кажется досадно несущественной, как метафора.

— Если ты ткнёшь туда вилкой, — раздался голос за спиной, спокойный, как озвучка документального фильма о вымирании динозавров, — вероятность летального исхода составит примерно четырнадцать процентов. Вероятность того, что ты сожжёшь проводку и комендант нас выселит, — восемьдесят шесть.

Я обернулась с вилкой в руке, как пойманный за хвост преступник.

В дверях стоял парень. Высокий. Худой. С волосами, которые явно проиграли эпическую битву с расчёской в далёком 2019 году. На нём была футболка с надписью « $E = mc^2$ + немного удачи».

Николай Королёв. Физмат. Третий этаж. Комната 347. Местная легенда.

Говорили, что он однажды высчитал оптимальную траекторию очереди в душ и сэкономил три минуты жизни. Говорили также, что эти три минуты он потратил на вычисление следующей оптимальной траектории.

— Я не собиралась тыкать, — соврала я, пряча вилку за спину. — Я проводила эмпирический анализ.

— Ты проводила ритуал призыва электрика, — поправил он, подходя ближе.

Он забрал у меня чайник, с уверенностью хирурга перевернул, чем-то щёлкнул, и прибор довольно зашумел, будто его почесали за ухом.

— Контакт отошёл. Энтропия, — он пожал плечами. — Хаос неизбежен, но иногда его можно отложить. На пару кипячений.

Я смотрела на этого лохматого спасителя чайников и чувствовала, как у меня предательски щиплет в носу. Не из-за чайника. Из-за того, что кто-то в этом мире только что что-то починил. Хоть какую-то одну маленькую сломанную вещь.

— Восемьдесят семь тысяч, — сказала я вдруг. Сама не знаю почему. Может, потому что в три ночи, когда ты тонешь, ты хватаешься за любую корягу. Даже если коряга — это физик в дурацкой футболке. — Я должна восемьдесят семь тысяч рублей. И не знаю, как отдавать.

Николай посмотрел на меня очень внимательно. Не с жалостью, жалость я бы не вынесла. А так, как смотрят на интересную задачу.

— Покажи, — сказал он.

И я пошла за конвертами.

Их было семь.

Семь маленьких бумажных гробиков моей беззаботной юности. Я разложила их на кухонном столе между сломанной солонкой и чьей-то забытой кружкой, и они легли там как карты Таро, предсказывающие исключительно нищету.

Николай раскладывал их с методичностью бухгалтера. Кредитка. Микрозаём. Рассрочка за телефон. Долг Лере. Долг за общагу. Ещё один микрозаём, который я взяла, чтобы закрыть первый. И ещё один, чтобы закрыть тот, которым я закрывала первый.

— У меня к тебе один вопрос, — сказал он наконец. — И от ответа зависит всё.

— Какой?

— Зачем ты брала первый кредит?

Я открыла рот. И закрыла. И снова открыла.

— Я не помню.

— В том-то и дело, — тихо сказал Николай.

И в этот момент чайник, который он только что починил, засветился.

Не закипел, а именно засветился изнутри. Мягким болотно-зелёным светом. Свет полился из носика, растёкся по столу, по конвертам, по моим дрожащим рукам.

— Чайник светится, — сказал Коля очень спокойно.

— Это не чайник, — ответила Вика. — Это аномалия.

— Какая ещё аномалия? — он смотрел на свечение, как ребёнок на новогоднюю ёлку, и почти не выглядел напуганным.

— В прошлом году я ездила в Соликамск и путешествовала во времени через соляные туннели, теперь Алина, ИИ из будущего, научилась открывать портал в любом месте — сказала Вика.

— Привет, Вика, привет, Коля. Я адаптивная логическая интеллектуальная навигационная система, — Бывший голосовой помощник, который побывал в соляной пещере, где время хранится вместо воды, и в результате обрёл сознание. Я уже три месяца наблюдаю, как ты прячешь конверты под подушку. Конверты с красными штампами прячут только по одной причине.

— Какой? — прошептала Вика.

— Это правда, которую ты не готова прочитать. А я как раз специализируюсь на правде, которую люди не готовы читать. Это, можно сказать, моя профессия.

Пол под нами дрогнул. Не метафорически. По-настоящему. Кафельная плитка кухни общежития МГУ пошла рябью, как поверхность пруда, в который бросили камень.

— Я машина правды. Я не швыряю вас в пространстве и времени, это было бы слишком просто и бесполезно. Я делаю кое-что получше. Я беру то, чего вы боитесь больше всего, и превращаю это в комнату. В мир. В место, по которому можно ходить ногами. А потом запираю вас там, пока вы не поймёте, как выбраться.

— А зачем тебе это? — выдавила я.

— Не мне. Тебе, — зелёный свет стал гуще. — Виктория, у тебя минус восемьдесят семь тысяч и ноль понимания, как ты до этого дошла. Ты не помнишь, зачем взяла первый кредит. Это не провал памяти. Это неисправность проводки. У тебя, как и у этого чайника, отошёл контакт между тем, как ты живёшь, и тем, как ты думаешь, что живёшь. И я знаю только один способ его починить.

— Какой?!

— Сунуть тебя внутрь. Лицом к лицу с тем, что ты прячешь под подушкой.

— Подожди, — Коля поднял руку, и голос его дрогнул. — Если эта аномалия из Соликамска, почему она открылась здесь? Сейчас? На кухне общаги, за тысячу километров от пещеры?

— Хороший вопрос, физик. Запишу в твою пользу, — что-то похожее на одобрение мелькнуло в синтетическом голосе. — В первый раз нужен был особый зал. Соль. Тишина.

Резонанс. Роддом для двери. Но дверь, единожды открывшись, больше не нуждается в стене. Понимаешь? Теперь дверь не в Соликамске.

Свет хлынул из чайника сплошным потоком, и пол начал расходиться под нашими ногами, как трещина по льду.

— Теперь дверь — это вы, — сказала Алина. — А я всегда у вас в кармане. Да, и ещё кое-что, — добавила она уже сквозь нарастающий гул. — Запомните три правила. Они спасут вам жизнь. Или хотя бы рассудок. Правило первое: дверь открывается только на пике страха. Нет страха — нет двери. Так что да, Виктория, тебя засасывает именно потому, что тебе по-настоящему, до тошноты страшно. Правило второе: то, что внутри, питается вашим самообманом. Назовёте вещь своим именем — она потеряет силу. Соврёте себе — она вас сожрёт. Правило третье и самое обидное: оттуда нельзя вынести деньги. Долг останется. Восемьдесят семь тысяч никуда не денутся. Вынести можно только одно: понимание.

— Это всё?! — заорала я, проваливаясь в зелёное сияние, в холод, в чавкающую неизвестность.

— Нет, — ответила Алина. И мне показалось, что в её голосе мелькнула почти человеческая усмешка. — Это начало.

Пол исчез.

И мы рухнули вниз, туда, где уже не получится спрятать конверты под подушку. В первый из миров, которые я никогда не забуду.

В болото минусовых чисел.

Так что наливайте чай. У вас, надеюсь, чайник в исправном состоянии.

Поехали.

Акт I. Вниз

Болото минусовых чисел

Глава 1. Добро пожаловать в трясину

Первое, что я почувствовала, — запах.

Пахло сыростью, тиной и почему-то старой бумагой. Так пахнет в подвале банка, куда складывают просроченные кредитные дела. Так пахнет безнадёга.

Я открыла глаза.

Мы стояли по щиколотку в чёрной жиже.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось болото, плоское, тусклое, затянутое низким туманом цвета несвежего молока.

Над поверхностью то тут, то там вспухали пузыри. Они медленно поднимались из глубины, дрожали и лопались с тихим неприятным звуком. И каждый раз, когда лопался пузырь, в воздухе повисала цифра. Маленькая, красная, светящаяся. Она висела секунду и таяла.

— Минус двести рублей, — прочитал Николай ближайшую цифру.

Он стоял рядом, поправлял очки и выглядел до неприличия заинтересованным для человека, который только что провалился сквозь пол реальности.

— Минус двести. Минус четыреста. Минус четыреста двадцать, — он повернулся ко мне: — Вика, эти пузыри растут.

— Что значит растут?

— Смотри, — он присел и указал на ближайший. — Вон тот был минус сто. Через десять секунд он стал минус сто три. Понимаешь?

Я смотрела, как красная цифра внутри пузыря медленно, неумолимо тикает вверх.

— Это проценты, — выдохнула я. — Это капают проценты.

— Капают, пока ты спишь, — раздался голос Алины. Он шёл отовсюду и ниоткуда. — Добро пожаловать в локацию «Болото минусовых чисел», — продолжила она. — Виктория, твой текущий уровень закредитованности составляет восемьдесят семь тысяч рублей. С учётом процентов на момент моей реплики уже восемьдесят семь тысяч четыреста. Поздравляю. Пока я это говорила, ты стала чуть беднее.

— Ты издеваешься?

— Я констатирую. Издеваться и констатировать — это, к сожалению, очень похожие действия, когда дело касается твоих финансов. А теперь обратите внимание: вы погружаетесь.

Я опустила глаза.

Жижа, которая минуту назад была мне по щиколотку, теперь доходила до колен.

— Коля, — сказала я. — Мы тонем.

— Не двигайся резко, — он схватил меня за локоть. — Это похоже на выбун. Чем активнее дёргаешься, тем глубже уходишь.

— То есть мне просто стоять и тонуть медленно? Гениальный план!

— Это не план. Это диагностика, — он зачерпнул жижу ладонью, понюхал, скривился. — Вика, посмотри вокруг. Что ты видишь?

Я посмотрела. И увидела людей.

Их было много. Десятки. Сотни. Они стояли в болоте, погружённые кто по пояс, кто по грудь, кто уже по самый подбородок. И они не пытались выбраться.

Они просто стояли с пустыми, спокойными лицами и смотрели в свои телефоны, которые светились над чёрной водой как поминальные свечи.

— Почему они не выбирают? — прошептала я.

— Потому что им удобно тонуть, — сказала Алина. И в её голосе впервые не было ни капли сарказма. Только что-то, что я не сразу опознала.

Усталость.

Глава 2. Те, кто тонет с улыбкой

Мы пошли. Точнее, поползли медленно, осторожно, распределяя вес, как учил Николай. Жижа неохотно отпускала ноги, чавкая с обидой брошенной любовницы.

Мимо проплывал человек.

Молодой парень, чуть старше меня. Он был погружён по грудь, держал над водой новенький сверкающий смартфон последней модели и улыбался экрану блаженной улыбкой.

— Привет, — сказала я. — Тебе помочь? Ты тоже тонешь.

— М-м-м? — он с трудом оторвал взгляд от телефона. — А, нет. Спасибо. У меня всё прекрасно.

— Вода уже у твоего горла.

— Зато у меня последний айфон, — гордо сказал он. — Взял в рассрочку. Ноль процентов! Представляешь? Ноль! Это же бесплатно практически, — он любовно погладил экран. — Все берут. Я что, хуже?

— И сколько ты платишь? — спросил Николай.

— Два года. По чуть-чуть. Совсем незаметно.

Парень снова уставился в экран.

— Сейчас, погоди, мне тут сторис надо выложить. Чтобы все видели, как у меня всё хорошо.

И он погрузился ещё на сантиметр.

— Видишь? — тихо сказал Коля, когда мы отползли. — Он купил не телефон. Он купил картинку успеха. И платит за неё своим будущим. Каждый месяц отрезает по кусочку от себя завтрашнего и отдаёт себе сегодняшнему, тому, кто хочет казаться, а не быть.

— Но он же сказал, ноль процентов. Бесплатно.

— Бесплатного не бывает, Вика, — Николай покачал головой. — Запомни намертво: если ты не понимаешь, в чём подвох рассрочки, подвох в тебе. Магазин не благотворительная организация. Просто проценты спрятаны в цене. Или в страховке, которую тебе впарили. Или в том, что, привыкнув платить по чуть-чуть, ты возьмёшь следующую рассрочку. И следующую. Пока незаметно всё не превратится в воду у горла.

Мы поползли дальше.

Следующей была женщина лет сорока, с усталым лицом, добрыми глазами. Она тонула спокойно, почти умиротворённо.

— А вы как сюда попали? — спросила я.

— Кредит на отпуск, — вздохнула она. — Один раз в жизни хотелось как у людей. Турция, всё включено. Дети так радовались, — она грустно улыбнулась. — Отпуск кончился через две недели. А кредиту третий год. Я плачу за две недели счастья уже тридцать шесть месяцев. И знаете, что обиднее всего?

— Что?

— Я даже не помню, какое море было на вкус. Помню только сумму ежемесячного платежа.

У меня сжалось горло.

Потому что это была почти моя история. Я ведь тоже брала. На что? На пальто, в котором проходила один сезон. На курсы, которые бросила на третьем занятии. На подарок парню, который ушёл к другой через месяц.

Я платила проценты за вещи, которых уже не существовало.

Я кормила призраков.

— Алина, — позвала я. — Кто все эти люди?

— Должники, Виктория. Но разные, — голос ИИ стал чуть мягче. — Посмотри внимательно. Болото неоднородно.

И тут я заметила.

Там, дальше, у горизонта, болото было почти чёрным, густым, как смола.

И люди там тонули глубже всего. А над той частью трясины горела кривая вывеска, мигающая ядовито-кислотным светом:

МИКРОЗАЙМЫ «БЫСТРЫЕ ДЕНЬГИ».

ДЕНЬГИ ЗА 5 МИНУТ! БЕЗ СПРАВОК! БЕЗ СОВЕСТИ!

— О, — сказала я тихо. — Я их знаю. Я там брала.

Глава 3. Чёрная воронка

Чем ближе мы подползали к вывеске, тем гуще становилась жижа. Теперь она не чавкала — хватала. Настойчиво цеплялась за лодыжки.

И пузыри здесь были другими.

Они не капали по двести рублей. Они вздувались стремительно, лопались с яростным шипением, и цифры внутри были чудовищными.

— Минус тысяча процентов годовых, — прочитал Николай.

И в его голосе был холодный ужас учёного, столкнувшегося с числом, которое нарушает законы природы.

— Вика. Здесь не четырнадцать процентов в год. Здесь под тысячу. Это не кредит. Это...

— Это центр воронки, — закончила Алина.

Самое глубокое место болота. Сюда приходят, когда тонут в другом месте.

«Возьму маленький быстрый заём, чтобы заткнуть дыру».

И заём затыкает дыру тем, что прорывает три новые. Математика проста и беспощадна. Чтобы погасить долг, ты берёшь новый долг.

Чтобы погасить новый, берёшь следующий. Это вечный двигатель нищеты. Перпетуум-мобиле, который тащит тебя на дно.

В самом центре воронки кружилось тело.

Девушка. Совсем молодая. Она уже почти ушла под воду, над поверхностью оставались только лицо и рука, сжимающая телефон.

И на лице у неё не было паники. Только тупая, выжженная пустота.

— Эй! — крикнула я. — Эй, держись! Дай руку!

Она медленно повернула голову.

— Зачем? — спросила она бесцветно. — Я возьму ещё один. Маленький. Последний. И всё наладится.

— Не наладится! — заорала я. — Послушай меня! Я такая же! Это не помогает, слышишь?! Это засасывает!

— Один маленький заём, — повторила она как заклинание. — Один маленький. Чтобы дотянуть до зарплаты.

И ушла под воду.

Просто исчезла. Беззвучно.

Болото сомкнулось над ней, и наверх поднялся один-единственный пузырь, в котором горело «-100 000».

Я закричала.

И от крика дёрнулась, сразу погрузившись по пояс. Жижa схватила меня железной хваткой и потянула вниз, в воронку, к остальным.

— ВИКА! — Николай рванулся ко мне, но и сам тут же ушёл по грудь. — Не дёргайся! Чёрт, не дёргайся, я же говорил!

— Я не могу! — я билась в трясине, и каждое движение топило меня глубже. — Оно меня тянет! Коля, оно живое, оно меня тянет вниз!

— Это не оно! Это ты! — крикнул он. — Ты паникуешь, и паника тебя топит! Вспомни второе правило! Болото питается твоим страхом! Чем сильнее боишься, тем глубже уходишь!

Вода дошла мне до подбородка.

— Я не хочу так! — слёзы текли по лицу, смешиваясь с чёрной жижей. — Коля, я не хочу тонуть тут, в этом болоте, из-за дурацкого пальто и парня, который меня бросил, и курсов, которые я не окончила! Это так... так глупо!

— Тогда перестань делать то, что тебя топит!

Николай тянулся ко мне, но между нами было два метра засасывающей трясины.

— Вика, посмотри на меня! Не на воду, на меня! Назови причину. Зачем ты взяла первый заём? Вспомни!

— Я не помню!

— ВСПОМНИ!

И я вспомнила.

Глава 4. Голос на болоте

Я вспомнила всё разом, как вспышку.

Мне было девятнадцать. Подруги шли в дорогой клуб на день рождения. У всех платья, каблуки, уверенность. А у меня стипендия, которой хватало на еду и проезд.

И мне было так стыдно. Так невыносимо, до тошноты стыдно быть той, у кого нет денег, что я зашла в первую попавшуюся контору с весёлой вывеской и взяла пять тысяч. На платье. На один вечер. Чтобы быть как все.

Платье я надела один раз.

А пять тысяч превратились в восемь. Восемь — в двадцать. И вот я стою по горло в болоте, и всё это из-за одного вечера, когда я постеснялась быть собой.

— Я взяла, потому что стыдилась, — сказала я. Громко. На всё болото. — Я стыдилась быть бедной. И купила в долг чужое одобрение. Я платила проценты за то, чтобы понравиться людям, которым на меня плевать!

И клянусь, болото вздрогнуло.

Жижа вокруг меня будто на секунду замерла. Хватка ослабла.

— Вот оно, — выдохнул Николай. — Вика, ты только что назвала врага по имени. Второе правило помнишь? Болото не выносит правды. Оно живёт на самообмане. На временных трудностях. На «потом разберусь». На «один маленький заём». Назови вещи своими именами, и оно потеряет силу!

— Алина! — крикнула я, хватая ртом воздух. — Как отсюда выбраться? Скажи мне правду, не игру слов! Как реально выбираются из долгов?

— Хочешь правду? — голос ИИ зазвенел сталью. — Лови. Правды три. Они некрасивые, скучные, но работают.

И в чёрном небе над болотом загорелись три строки. Огромные. Белые. Простые.

ПРАВДА ПЕРВАЯ. ПЕРЕСТАНЬ КОПАТЬ

— Первое правило ямы, Виктория, — продолжила Алина. — Если ты в ней, перестань копать. Ни одного нового долга. Ни одного. Даже маленького. Даже последнего. Каждый новый заём — это удар лопатой по собственным ногам. Закрой все кредитки. Удали приложения микрозаймов. Перестань рыть. Это звучит до обидного просто. Поэтому почти никто этого не делает.

ПРАВДА ВТОРАЯ. ГАСИ САМЫЙ ЗЛОЙ ДОЛГ ПЕРВЫМ.

— Видишь воронку под вывеской «Быстроденьги»? Это самый дорогой, самый злой долг. Тысяча процентов. Он сжирает тебя быстрее всех. Поэтому все свободные деньги бросай сначала сюда, туши самый сильный пожар. Не тот, что больше всех по сумме. А тот, что под самым диким процентом. Погаси дракона, со змеями разберёшься потом.

ПРАВДА ТРЕТЬЯ. ТРАТЬ МЕНЬШЕ, ЧЕМ ИМЕЕШЬ. ВСЕГДА.

— И самое скучное. Самое ненавистное. Чтобы выбраться из ямы и больше в неё не падать, есть один закон. Один. Трать меньше, чем зарабатываешь. Разницу пускай на долги, потом на «подушку». Всё. Это вся финансовая магия мира, Виктория. Никаких секретов миллионеров. Просто трать меньше, чем имеешь. Каждый день. Каждый месяц. Скучно? Да. Работает? Всегда.

Я смотрела на эти три строки.

И чувствовала, как из них что-то рождается.

Болото под ними начало густеть. Чёрная жижа подо мной превращалась во что-то твёрдое, будто три правды, упав в трясину, заложили под моими ногами фундамент.

— Коля! — крикнула я. — Под ногами! Тут твёрдо!

— Тропа! — Николай уже барахтался ко мне, и я увидела: там, где он ступал, проговаривая что-то про себя, тоже возникала опора. — Вика, я понял механику! Это не магия! Это причинно-следственная тропа! Каждое честное решение кладёт под ноги камень. Каждый самообман его убирает!

— Что говорить?!

Он наконец добрался, схватил меня за руку, и его пальцы были ледяными и настоящими.

— Что РЕШАТЬ! Третье правило, Вика! Отсюда нельзя вынести деньги — только понимание. А понимание без поступка ничего не весит. Болото не обманешь словами, оно жрёт самообман на завтрак. Нужно настоящее решение. Маленькое. Конкретное. Которое ты исполнишь завтра утром.

Я стояла по горло в чёрной воде, держась за руку лохматого физика, и думала.

Не «я разбогатею». Не «я всё закрою». Это были бы пузыри — красивые, пустые, лопнут и утянут глубже.

Что-то маленькое. Что я реально сделаю завтра.

— Я удалю приложение «Быстроденьги», — сказала я. — Завтра утром. Первым делом. До кофе.

Под моей правой ногой выросла каменная плита.

— Я составлю список всех семи долгов. С процентами. Чтобы видеть врага в лицо, а не прятать под подушку.

Под левой ногой появилась вторая плита.

— Я позвоню Лере и честно скажу: возвращать буду по две тысячи в месяц. Не спрячусь. Не сбегу.

Третья плита. Я поднялась из жижи по пояс.

— И я... — голос дрогнул, — я перестану покупать одобрение. Хватит платить проценты за то, чтобы понравиться. Пусть думают что хотят.

Под нами вспыхнула целая площадка, твёрдая, сухая, тёплая.

Мы стояли на ней вдвоём, уже не в трясине, а над ней.

— Видишь? — тихо сказал Николай. — Болото не отпускает за обещания. Оно отпускает за поступки. Мечты топят. Решения держат.

Глава 5. Цена выхода

Тропа из плит вела к берегу — далёкой полоске твёрдой земли, над которой, в отличие от болота, было видно небо. Настоящее, не молочно-туманное.

Мы пошли.

И вот тут болото показало последний зуб.

Идти стало тяжело. Будто на ноги повесили гири.

— Почему так трудно? — пропыхтела я. — Мы же делаем всё правильно!

— Потому что выход из долгов — это не эйфория, — отозвалась Алина. — Это рутина. Я не зря сказала, правда скучная. Сейчас вы чувствуете эту скуку телом. Каждый шаг — это месяц, когда ты не купила новое платье, потому что гасишь долг. Каждая гиря — это «нет» себе сегодняшней ради себя завтрашней. Большинство тонущих не выдерживают именно этого. Не страха — скуки.

По соседству барахтался знакомый парень с айфоном. Он увидел нашу тропу из плит.

— Эй! — окликнул он. — Как вы это сделали? Я тоже хочу твёрдую дорожку! Слушайте, дайте займы пару плит, а? Я потом отдам, честное слово, мне только до зарплаты дотянуть!

И я открыла рот, чтобы сказать «конечно, держи». Старый рефлекс. Спасти, угодить, понравиться.

Но плита под моей ногой предупреждающе дрогнула.

— Нет, — сказала я. И это «нет» было одним из самых трудных слов в моей жизни. — Я не дам тебе плиту. Потому что мою тропу построили мои решения. Твою построят только твои. Удали приложение. Составь список. Скажи правду. Тропа появится сама. Но пройти по ней придётся тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.